

Протодиакон Андрей Кураев

Причастие — радостная весть для плоти

Зачем Бог ищет человека? — Чтобы дать ему Чашу. Господь выходит на поиски человека, чтобы вернуть нам Себя. Но дело в том, что за то время, пока Бог (по нашей настойчивой и неоднократной просьбе) отсутствовал в нашей жизни, с нами произошла беда. Наша болезнь стала настолько глубокой, что нас следовало лечить уже от последствий грехопадения — от тления, распада, смерти.

Тут мы касаемся того, что более всего озлобляет язычников, когда им говорят о христианстве. Когда возмутились греческие философы проповедью ап. Павла? Когда его слушатели взорвались возмущением и насмешкой? Тезис о том, что Бог Один — они восприняли спокойно. И о том, что Бог будет судить мир, — тоже выслушали без гнева... Но когда Павел сказал, что Сын Божий воскрес телесно, — вот это вызвало скандал (см.: Деян. 17, 22–34).

Дело в том, что если человек - это противоестественная сцепка духа и материи, то спасение — это разъединение души и материи. Они пришли в смешение, изойдя из разных миров, и должны расцепиться, развестись, разойтись, отправившись каждая в свою область: прах — к праху, божие — к богам... Спасение, как его понимает языческая философия, состоит в том, что моя душа — атман — должна потерять свою идентичность с моим телом и даже с моим самосознанием и через формулу «тат твам аси» (ты есть то») осознать свое единство с божественным Брахманом... Мое тело — это тюрьма, которая облекает и ослепляет мою душу, и поэтому надо их расщепить. Орфическая древнегреческая традиция это выразила в знаменитой формуле: «Тело — это тюрьма для души». Для греков это было очень убедительное выражение, поскольку тело — это σῶμα («сома»), а тюрьма, могильный знак — это σῆμα «сема» (отсюда слово «семиотика» — учение о знаках). Что ж, это даже звучит похоже: сома-сема; тело-могила..... По замечанию платоновского Сократа, «тут уж ни прибавить, ни убавить ни буквы» (Кратил. 400с).

Соответственно, весть о том, что Христос воскрес, то есть вернул Свою душу в Свое тело, представляется безумием: это все равно, что современному человеку рассказали бы, как узник замка Иф после того, как прокопал стену своего застенка, вместо того, чтобы стать графом Монте-Кристо, вернулся в камеру и снова замуравал себя в ней...

Благовоспитанный греческий философ — это тот, кто стыдится своего тела^[1]; тот, чья душа жаждет оторваться от тела побыстрее и подальше. И вдруг ап. Павел говорит: **Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святаго Духа** (1 Кор. 6, 19) ? Тело — не тюрьма, а храм... Посетители ареопага сочли это скандалом...

И христиане, и язычники отдавали себе отчет в этом разительном отличии. Язычники называли христиан «филосарками» – «любителями плоти» [2]. Августин же, приведя слова Вергилия о душе, заключенной «в глухой и мрачной темнице», замечает: «Наша вера учит иначе» (О Граде Божиим. 14, 3). Он четко понимает, какие философские последствия имеет евангельская весть о Рождестве: «Своим воплощением Он дал спасительное доказательство, что истинное божество не может оскверниться плотью и что демоны не должны быть считаемы лучше нас оттого, что не обладают плотью» (О Граде Божиим 9, 17).

То, что так возмутило афинских философов, было следствием из слов Христа, тех Его слов, которые более всего отличают христианство от всех остальных религиозных учений о человеке: **Я всего человека исцелил** (Ин. 7, 23). Так исполнилась мечта Давида: «Из того узнаю, что Ты благоволишь ко мне, если... меня сохранишь в целостности моей и поставишь пред лицом Твоим на веки» (Пс. 40,12-13).

Именно человека, с точки зрения язычника, лечить не надо. Нужно лечить лишь аристократическую, лучшую часть - душу. А тело — это кармический отброс. Тело не надо лечить потому, что само тело есть болезнь, а не то, что болеет. Душа заболела своей телесностью. И лечить надо от телесности... От этой болезни надо избавляться, отбросить, ампутировать ее от себя. Могила не лечат. Из нее мечтают убежать.

А Христос желает спасти всего человека во всей его сложности. Не душа должна быть спасена, а человек как сложносоставное бытие: душа плюс тело [3]. Именно эту сложность надо, сцементируя, сохранить навсегда... Православие исповедует очень необычный взгляд на человека, целостный взгляд (на научном языке это выражается словом «холистический»).

Православие утверждает, с одной стороны, что все, что есть в человеке, должно войти в Царствие Божие. Все, что есть в человеке, должно быть увековечено, обожено, навсегда соединено с Богом. Это означает, что личность при соединении с Богом не исчезает (вопреки мнению индуистов, полагающих, что душа, соединяясь с Богом, растворяется в Боге так, как капля дождя растворяется в океане). Христиане же говорят, что человек может соединиться с Богом, не теряя своей личности. И мой разум, и моя душа, и моя любовь будут моими, даже погрузившись в Божие Единство.

И более того — не только душа, но и тело должно войти в Вечность, причем тело со всеми теми системами, которые есть в нем сейчас. Об этом был один из самых удивительных споров в истории Церкви. Ориген — христианский философ III в. — считал, что у людей, когда они воскреснут, не будет половых органов и не будет пищеварительной системы, потому что в Царствии Божиим уже не надо вкушать грубую пищу (и потому там не понадобятся зубы, печень, почки, селезенка), а половые органы тоже там не

нужны, потому что в Царствии Божиим не женятся и замуж не выходят. Казалось бы, что Ориген очень логичен. И тем не менее вдруг против этой как будто логичной концепции восстают св. Отцы: свт. Мефодий Патарский, свт. Епифаний Кипрский, блж. Иероним Стридонский...

Блж. Иероним в полемике с Оригеном справедливо указывает на то, что даже в рамках нашей земной жизни путь аскезы не есть путь кастрации. И если даже здесь, на земле, человек, решившийся жить в чистоте, может контролировать проявления половой энергии, то тем более нет оснований полагать, что в Царстве Божиим она неизбежно вовлечет нас во грех. Блж. Иероним говорит: «Где плоть, и кости, и кровь, и члены, там необходимо должно быть и различие пола. Где различие пола, там Иоанн — Иоанн, Мария — Мария. Не бойся брака тех, кои и до смерти в поле своем жили без полового отправления. Когда говорится, что в тот день *ни женятся, ни выходят замуж* (Мф. 22,30), то говорится о тех, которые могут жениться, но не женятся. Ибо никто не говорит об Ангелах, что они *ни женятся, ни выходят замуж*. Я никогда не слышал, что на Небе совершаются браки духовных сил, но, где есть пол, там мужчина и женщина. Уподобление Ангелам не есть превращение людей в Ангелов, а есть совершенство бессмертия и славы» (Блаж. Иероним. Против Иоанна Иерусалимского, 26). Поэтому слова: ***В воскресении ни женятся, ни выходят замуж*** (Мф. 22, 30) не есть выражение эсхатологической физиологии.

Зачем же тогда воскрешение плотских органов тела? Это недоумение вытекает из слишком суженного, слишком инструментального понимания значения половой энергии для жизни человека. Но точно ли мы полностью представляем себе наше собственное тело, с полной ли достоверностью? Осознаем ли мы все тончайшие взаимосвязи между различными системами нашего организма? Вообще человеческое тело слишком сложно и слишком связано с жизнью души. Современная психология, мне представляется, скорее поддержит православную позицию, чем оригенистскую. Сегодняшняя антропология и психология уже прекрасно знают, что половые токи пронизывают всего человека, его творчество, его мышление, даже веру. И вот в защиту этой непостижимой целостности человека и выступили церковные критики Оригена.

Ребенку при сборке разобранных им часов всегда кажется, что какая-то деталька лишняя. Вот такая же детская растерянность сквозит и у Оригена, когда он при моделировании грядущего восстановления человека утверждает, что в человеке есть нечто лишнее, нечто такое, что не пригодится при его, человека, «восстановлении». Что ж, Ориген — это детство христианской мысли. В более зрелую пору христианская мысль стала утверждать: человек не должен гнушаться тем, что создал Творец. Впрочем, еще современник Оригена Минуций Феликс столь же точно, сколь и иронично заметил: "если бы Бог хотел евнухов, Он мог бы создать их сам» (Октавий. 24,12).

Христианский ответ понятен: наше воскресение произойдет по образу Воскресения Христова, а Он вышел из голгофской гробницы не беззубым («О Ком Ангелы благовествовали женам, что Он воскрес, как бы так сказал: “Приидите, видите место и вразумите Оригена, что здесь ничего не осталось лежащим, но все воскресло”» — *Св. Епифаний Кипрский*. Панарий. 64, 67). «Вопрос: В воскресение все ли члены будут воскрешены? Ответ: Богу все не трудно. Как Бог, взяв прах и землю, устроил как бы в иное какое-то естество, неподобное земле (волосы, кожу, кости, жилы), и как игла, брошенная в огонь, переменяет цвет и превращается в огонь, между тем как естество железа не уничтожается, но остается тем же, так и в воскресении все члены будут воскрешены, и, по написанному, **и волос не пропадет** (Лк. 21, 18), и все соделается световидным, все погрузится и преложится в свет и в огонь, но не разрешится и не сделается огнем, так, чтобы не стало уже прежнего естества, как утверждают некоторые. Ибо Петр остается Петром, и Павел — Павлом, и Филипп — Филиппом; каждый, исполнившись Духа, пребывает в собственном своем естестве и существе» (*Прп. Макарий Египетский*. Беседа 15.10).

Итак вся наша телесность должна воскреснуть.

Телесность воскреснуть к новой жизни должна, а вот моя совесть в новую жизнь войти не может... Это другая часть христианского тезиса о всецелом спасении человека: все, что есть в человеке, должно быть спасено, но оно должно быть именно — спасено, ибо в своем нынешнем состоянии оно настолько мертвенно, что не сможет жить в Вечности. Значит, все человеческое должно войти в Царствие Божие, но ничто из того, что есть в человеке, не может войти в Царствие Божие. Не может войти в том виде, в каком существует сейчас. В нас все больно: и моя совесть больна, и мой ум болен, и моя душа больна, и мой дух немощен; а уж моя плоть тем паче больна. Все, что есть в нас, искажено и изуродовано, и поэтому все нуждается в излечении. И поэтому Православие проповедует идеал всецелого преображения. Все должно преобразиться и — уже в преображенном виде — войти в Царствие Божие.

И вот теперь мы вновь подходим к нашему изначальному вопросу: что значит быть христианином?

Если все в человеке больно, но все надо спасти, — это означает, что все надо лечить. Но каждую из болезней следует лечить средством, необходимым и надлежащим именно для нее. Фармаколог не лечит все болезни одним и тем же лекарством; хирург не делает все операции одним инструментом. И Христос, Который есть Врач душ и телес наших, не одно и то же лекарство прилагает к нашим многочисленным язвам.

У нас заболел наш ум, мы выдумываем самые дикие теории, убеждая себя, что Бога нет, что мы произошли от амебы... - Христос лечит наш ум, выпрямляет его. Чем? - Своим непогрешимым Божественным учением.

У нас заболело сердце: оно сталоместилищем и источником самых странных влечений. Христос лечит и эту духовную болезнь: *Примите Духа Святаго* (Ин. 20, 22). Вы разучились любить? *Пребудете в любви Моей* (Ин. 15,10). Вы утратили мирное устроение жизни и радостное ее восприятие? *Мир Мой даю вам и радость ваша будет совершенна* (Ин. 14, 27; 16,24).

Но у нас еще больно и тело: наше тело не способно жить с Богом. Оно и на земле-то живет до 80 лет – и то «еще же в силах»... А прожить вечность в Царствии Божиим тем более не способно. Так надо ли лечить такое тело? – надо, ибо «именно ради плоти Сын Божий совершил Свое домостроительство» (св. Ириней Лионский. Против ересей. 4, Введение, 4). А как его вылечить? Телесное надо лечить подобающим ему, т. е. телесным. И поэтому Господь и дает нам Свое Тело, чтобы исцелить наше тело, чтобы приучить его жить в Божественной среде, в Божественном наполнении: «Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф. 26, 26–28) . Или, говоря словами христианского писателя III века св. Дионисия Великого, “Христос *излил в нас* нетленную, живую и животворящую кровь Свою” [4] .

Христос совершает с нами нечто подобное тому, что делает современная медицина. Представьте себе, что у меня болезнь крови: грязь появилась в моей крови, или, напротив, мой организм не вырабатывает необходимые для жизни микроэлементы крови. Тогда врачи могут мне сделать переливание моей собственной крови (собственной — чтобы не было аллергии, отторжения). Тогда из моей вены через катетер кровь будут отсасывать, пропускать через надлежащие фильтры, очищать, затем насыщать, обогащать какими-то необходимыми веществами, а затем мне в артерию вольют мою же обогащенную кровь.

Вот это и делает с нами Христос: он вбирает в Себя наше человеческое естество с теми болячками, которые появились в нем после грехопадения. «Ибо какое было бы поправление нашему естеству, если бы, когда болен земное живое существо, Божественное посещение приняло какое-либо существо другое, небесное? Если бы больное было на земле, а Божественная же сила не коснулась больного, имея в виду приличное для себя, то бесполезен был бы для человека труд Божественной силы над тем, что не имеет ничего общего с ним... Врачующая сила явилась там, где была болезнь» [5] . Болезнь, вошедшая в человеческую жизнь – это так называемые «неукорные страсти»: утомляемость, доступность голоду, скорбям, страх смерти... [6] . Адам до грехопадения не знал, что такое скорбь, усталость, голод... А Христос испытал, что это такое, он «воспринимает поврежденную жизнь» [7] , «приял мертвенность нашего повреждения» [8] , выбрал «принятую смертность» [9] . Эта «новинка», которой не было в богозданном естестве Адама, именуется «страстью» потому, что «страсть» — это страдательность, это испытание

давления, оказываемого на меня извне... Из этих «неукорных» страстей легко могут вырасти страсти греховные... Кто легче согрешит — тот, в ком есть страх смерти, или тот, у которого нет страха смерти? Кого легче понудить к предательству — бессмертного или смертного? Кто удобнее пойдет путем греха — голодный или не знающий голода? Наличие всех этих страстей делало человека более доступным для греха. Но Христос эти безукорные страсти в Себя вбирает (никак не приближаясь к подлинно греховным нашим страстям), в Себе исцеляет, насыщает Божественностью, Вечностью, Бессмертием, и Свое человеческое Тело, уже прошедшее через смерть и воскресшее, возвращает нам, Свою человеческую кровь, насыщенную Божественными токами, Он вливает в нас, чтобы мы в себе носили зачаток Воскресения и были причастниками Вечности [10].

Пример с переливанием крови только одним нехорош: при нашей медицинской операции боль испытывает тот, от кого кровь берут и кому ее же затем переливают. А тем аппаратам, через которые эта кровь проходит и в которых она обогащается — им ни холодно, ни жарко. Но не так со Спасителем. Вобрав в Себя наше естество, Он сделал Своей нашу боль.

Он не просто вбирает в себя человечество и в Себе его животворит — животворя, Он в нем умирает. Чтобы передать нам исцеленное естество, вырвавшееся из под власти смерти и тления, Христос воскрес. Но чтобы воскреснуть — надо умереть. А чтобы умереть — надо родиться. Все люди умирают, потому что рождаются. А Христос родился в мире, потому что должен был умереть в жертвенной отдаче. «Ни один из ангелов никогда не сходил для того, чтобы быть распятым, чтобы претерпеть смерть и от смерти воскреснуть. У рождения со смертью взаимный долг. Назначенность к смерти есть причина рождения» (Тертуллиан. О плоти Христа, 6). Бог свободно входит в такую (смертную) жизнь, о которой заранее знает, что «и для самого Господа нет из нее другого исхода, кроме как через смерть» (Августин. О Граде Божиим. 17,18).

Смерть же нужна была для того, чтобы исправить повреждения, принесенные грехами людей в Богосозданную человеческую природу. Кузнец изготовил меч. Затем от небрежения владельца меч покрылся ржавчиной. Чтобы вернуть ему его изначальные свойства, надо меч переплавить и перековать. Но когда меч снова поместят в огонь, он расплавится, то есть на время исчезнет, перестанет быть мечом. Так восстановление проходит через распад, возрождение — через смерть. «Вот в чем таинство Гроба. Восстановить можно только то, что распалось; уничтожить смерть в человеческом естестве можно только тогда, когда она в нем проявилась. Поэтому Христос, понеся на Себе осуждение смерти, испытал ее, и подвергнутую тлению природу, содетельною силою Божества, неразлучно пребывающего с нею, перелагает, перестихийствует в неизменную: восстанавливается человек» [11]. Смерть нужна, чтобы разложить на первоначала человеческое естество и переплавить его к новой жизни — как переправляют почерневшее серебро. «Это необходимо было для восстановления падшего естества: разрушение смерти — тления могло

совершиться именно оживлением умершего (восстановлением человека в полной духотелесной организации), воскресением, другими словами, исправлением этой природы. Это чудо и свершилось во Христе: “тленное же Твое на нетленное преложил еси”» [12]. Преп. Косма Маюмский в Каноне Великой Субботы для этого применяет слово μεταστοιχείσαζ (в славянском переводе – «преложил еси»), буквально перестихийствовал [13]. Человек в античной антропологии есть сочетание четырех основных космических стихий, первоначал. Для пересозидания он должен быть возвращен к этим первоначалам, чтобы затем из изначальных нитей сплести первоначальный, но некогда поврежденный узор...

Но все это происходит не в бесчувственной плавильной печи, а в Самом Христе. По «очищению естества разложением бывшего в единении» [14] «крепость человечества Его от огня страдания возросла до крепости нетления» [15]. В Себя Самого Он принимает смерть, в Себе Самом Он попускает распад и тление – чтобы преодолеть их.

Смерть человека – это конец для его жизни. Воскресение Христа – это конец для смерти: «смертию смерть поправ». «Нет худшей и большей смерти, как та когда не умирает смерть» (Августин. О Граде Божиим 6,12). И вот наконец есть Тот, в Ком смерть может умереть. Но именно – в Нем, а не рядом с Ним. Поэтому Жизнь должна была впустить в себя смерть.

И все это – чтобы плод этой боли, этой встречи со смертью дать нам.

Этот плод – причастие Его Крови и Его Телу которые Он дает нам в уже воскрешенном состоянии [16], «того же естества, но другой славы» [17], то есть, уже пропущенными через горнило Его смерти. "Итак, чтобы не любовью только, но и самим делом сделаться членами плоти Христовой, мы должны соединиться с этой плотью... Кто отдал вам Своего Сына здесь, Тот тем более не оставит вас там - в будущем. Я восхотел быть вашим братом; Я ради вас приобщился плоти и крови, и эту плоть и кровь, через которые Я сделался сокровным с вами, Я опять преподаю вам" (Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Иоанна, 46).

Так можно ли быть христианином, не принимая этого дара? Не принимая Его Крови, излитой Им накануне иудейской Пасхи ради того, чтобы мы воскресли по окончании всех времен?

О том же можно сказать иначе, начав с простого вопроса: Христос всего Себя отдает людям, или только частично? Всего... Но Христос — это Богочеловек. Он не просто Бог, но еще и Человек. И это означает, что Христос дает нам и полноту Своего Божества и нам же отдает полноту Своей телесности. И поэтому Он говорит: ***Пейте, это Кровь Моя, за вас и за многих изливаемая... Вкусите, это Тело Мое, за вас ломимое во оставление грехов...***

И что же тогда означает быть христианином? Быть христианином — это означает принять в Себя все те Дары, которые Христос принес нам. Тогда все, что было со Христом, может произойти и с нами. И прежде всего – Его пасха станет нашей. Если воскресло Его тело, то для со-воскресения и мы должны стать Его сотелесниками, а не просто учениками. «Единородный определил некоторый изысканный способ к тому, чтобы и сами мы сходились и смешивались в единство с Богом и друг с другом, хотя и отделяясь каждый от другого душами и телами в особую личность - именно: в одном теле, очевидно Своем собственном, благословляя верующих в Него посредством таинственного причастия, делает их сотелесными как Ему Самому, так и друг другу... Сила святой Плоти делает сотелесными тех, в ком она живет». - св. Кирилл Александрийский) [18] .

Христос - это не разведчик, который с небес прилетел и улетел, а здесь ничего не изменилось. Христос - не проповедник, который пришел рассказать нам несколько притчей, а затем снова уйти. Христос — Спаситель. Он ищет нас, чтобы спасти, защитить, и то спасение, которое Он нам несет, проходит через Его Жертвенный Крест.

Источник: Диакон Андрей Кураев. Дары и анафемы. Что христианство принесло в мир. М., 2000.

[1] «Плотин, философ нашего времени, казалось, всегда испытывал стыд от того, что жил в телесном облике» (Порфирий. Жизнь Плотина,1). Этот пишет тот Порфирий, о котором блаж. Августин говорит – “Ученейший из философов, хотя и величайший враг христиан» (Августин. О граде Божиим 19,22).

[2] «В V в. Паллад совершенно безбоязненно высмеивает христианских монахов – но не за то, что они аскеты, а за то, что они недостаточно аскеты. Этот автор довольно легких стихов в киническом духе внезапно с такой страстью называет тело «болезнью», «смертью», «роком», «бременем» и «неволей», «тюрьмой» и «пыткой» для души, с такой нечеловеческой брезгливостью говорит о реальности пола и зачатия, а впрочем, и самого дыхания, что становится ясно: не этому «последнему язычнику», не его единомышленникам и братьям по духу было дано защищать права мудрой естественности против христианского аскетизма. Если они не шли в пустыню и не предавались аскезе, то не потому, что относились к телесному началу в себе с непринужденной жизнерадостностью, а скорее потому, что в отличие от христиан не надеялись очистить свою плоть никакими постами» (Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977, с. 25).

[3] «Прииде Господь взыскати и спасти погибшаго (Лк. 19,10); погибало же не тело, но гиб всецелый человек, срастворенный душею... И еще спрашивает их: на Мя ли гневаетесь, яко всего человека здрава сотворих в субботу (Ин. 7,23). Понятие же целого объяснил Господь в других Евангелиях, спущенному с одром сказав: оставляются греси (Лк. 3,20), что есть исцеление души, и востани и ходи (23), что относится к плоти» (св. Григорий Нисский. Против Евномия. 2,13 // Творения. Ч. 5. М., 1863, с. 351 и 353).

[4] Св. Дионисий Александрийский. Послание Павлу Самосатскому, 7. // св. Дионисий Александр ийский. Творения. — Казань, 1900, с. 152.

[5] Св. Григорий Нисский. Большое огласительное слово, 27 // Творения. ч. 4. М., 1862, сс. 72-73.

[6] «Исповедуем, что Христос воспринял все естественные и беспорочные страсти человека... Естественные и беспорочные страсти вошли в человеческую жизнь вследствие осуждения, происшедшего из-за преступления, как, например, голод, жажда, утомление, труд, слеза, тление, уклонение от смерти, боязнь, предсмертная мука» (*Прп. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. 3,30*).

[7] Свт. Григорий Великий Двоеслов. Беседа 21,4 // Избранные творения. М., 1999, С. 185.

[8] Свт. Григорий Великий Двоеслов. Беседа 7,3 // Избранные творения. М., 1999, С. 53.

[9] Там же. Ср.: «Един еси единокровен горе, един и доле тойже, без матере горе от Отца, и без отца из матере долу: в ней же вообразяся, в чуждее, Слове, обнищав, в мое смирившееся естество от греха» (Канон св. Мефодию Константинопольскому (14 июня). Богородичен по 8 песни). И молитва при облачении архиерея (возложение саккоса): « На рамах Христе заблуждшее взял естество». Обращаю внимание читателя на эти тексты в связи с тем, что в ряде публикаций последних лет суждение о том, что Христос воспринял человеческое естество в его падшем состоянии расценивается «как еретическое». Подробнее об этой дискуссии см. в моей статье «Охотничий азарт вместо богословия» в моем сборнике «О нашем поражении» (Спб., 1999).

[10] Ср. богослужбное обращение к Марии: «Мать, Слово плоть взаимоотношавшая» – Песнь 8 канона на утрени Пятидесятницы.

[11] Иером. Филипп Гарднер. Догматическое содержание канона Великой Субботы // Вестник Германской епархии Русской Православной Церкви за границей. Мюнхен, 1998, № 1, с. 8.

[12] Там же, с. 7.

[13] Синаксарь в неделю мясопустную также говорит, что люди воскреснут «со своими телесы и душами всем к нетлению претихиованным» (Триодь постная. Ч.1. М., 1992, л.31).

[14] Св. Григорий Нисский. Большое огласительное слово, 35 // Творения. ч. 4. М., 1862, сс. 92.

[15] Свт. Григорий Великий Двоеслов. Беседа 22,7 // Избранные творения. М., 1999, С. 196.

[16] “Евхаристия есть плоть Спасителя нашего, которая пострадала за наши грехи, но которую Отец воскресил” (св. Игнатий Богоносец. Смирн. 7). Значит, евхаристия — причастие не просто плоти Христа, но причастие воскресшей Плоти, причастие тому телу, что уже преодолело смерть.

[17] Свт. Григорий Великий Двоеслов. Беседа 26,1 // Избранные творения. М., 1999, С. 232.

[18] Св. Кирилл Александрийский. Толкование на Евангелие от Иоанна. Кн. 11, гл.11. // Творения. ч. 15. Сергиев Посад, 1912, сс. 105-106.